

лишь наиболее принципиальные, с его точки зрения. Например, из 13 встреч и переговоров с И. Тито, состоявшихся с 1965 по 1979 г., он не зафиксировал ни одной (Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1964—1980 гг. Т. 2. М., 2017).

¹⁹ См.: Валк С.Н. Проект правил издания трудов В.И. Ленина // Валк С.Н. Избранные труды по археографии. Научное наследие. СПб., 1991. С. 93—94.

²⁰ Валк С.Н. Новый проект правил издания документов: [рецензия] // Валк С.Н. Избранные труды по археографии... С. 125.

²¹ В окончательной публикации составители предполагают, что речь всё-таки идёт об ордене. Действительно, в рукописи «ф» написана так, что читается скорее «орен», но, если просмотреть написание буквы «ф» на протяжении «дневника», эмендация слова как «фен» представляется более оправданной.

²² Дёнингхаус В., Савин А.И. На встречах курсах... С. 285. В интервью Дёнингхаус добавил: «Он любил себя и хотел хорошо выглядеть на публике. Мы знаем, что он лично заказал себе в ГДР фен через посла Абросимова, несколько раз в день укладывал причёску — для него это было важно. Когда начали выпадать волосы, он жутко нервничал» (Личная трагедия Брежнева. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/04/26/brezhnev/>).

²³ Миф о маразме вождя // Историк. 2017. № 2.

²⁴ Дёнингхаус В., Савин А.И., Савина Т.В. Генеральный политрук... С. 94.

²⁵ См.: Михеев М. Дневник в России XIX—XX века — эго-текст, или пред-текст. М., 2006. В аннотации автор пишет: «В последнее время дневники стали объектом интереса и исследований лингвистов, литературоведов,

историков, философов, культурологов и психологов. Дневник предлагается считать ядерным понятием внутри более общего — *дневниковых* текстов, включающих в себя и записные книжки (ежедневник, блокнот, альбом, черновик, записи для памяти, календарь), и мемуары, письма, путевые журналы, автобиографии, исповеди, маргиналии, рабочие тетради, и так называемые блоги в интернете... Обобщающим для всех можно признать понятие эго-текст или пред-текст (перво-текст)».

²⁶ Местонахождение записных книжек Свердлова и Крестинского неизвестно.

²⁷ Болдовский К.А., Джалилов Т.А., Пивоваров Н.Ю. Ю.В. Андропов: два года на вершине власти (рабочие записи 1980—1983 гг.) // Новейшая история России. 2018. № 1. С. 232—279.

²⁸ На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953). Справочник // Науч. ред. А.А. Чернобаев. М., 2008.

²⁹ Можно вспомнить лишь единичные публикации такого рода: Дневник дежурных секретарей В.И. Ленина 21 ноября 1922 — 6 марта 1923 г. // Ленин В.И. ПСС. Т. 45. М., 1970. С. 457—486 (в 1967 г. были подготовлены к публикации записи дежурных секретарей Ленина за 1921—1922 гг., однако решением Секретариата ЦК КПСС такая публикация признана нежелательной); Болдовский К.А. Журнал посещений А.А. Жданова. 1941—1944 гг. СПб., 2014; Болдовский К.А. А.А. Кузнецов и Управление кадров ЦК ВКП(б). 1946—1948 гг. (в печати); Зеленов М.В., Ирошников М.П., Чернобаев А.А. Тетрадь регистрации приёма посетителей А.А. Ждановым в г. Москве с 19.VII.44 г. по 29.XI.46 г. // Исторический архив. 2016. № 1. С. 52—77; № 2. С. 56—85.

Александр Пученков

Победы и поражения Михаила Горбачёва*

Aleksandr Puchentkov

(Saint Petersburg State University, Russia)

Victories and defeats of Mikhail Gorbachev

DOI: 10.31857/S086956870004784-3

Американский историк Уильям Таубман давно и плодотворно занимается советской историей. Он — автор самой основательной на данный мо-

мент биографии Н.С. Хрущёва, опубликованной в 2003 г. и переведённой на русский язык два года спустя¹. Изучение обширного круга докумен-

* Таубман У. Горбачёв. Его жизнь и время. М.: АСТ; CORPUS, 2019. 768 с.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00119) в Санкт-Петербургском государственном университете.

тов, положенного в основу той книги, и проведение автором опроса свидетелей, включая родственников Хрущёва и видных деятелей «великого десятилетия» — В.Е. Семичастного, П.Н. Демичева и др., — заняли несколько десятилетий,

В 2017 г. Таубман опубликовал биографию ещё одного советского лидера-реформатора — М.С. Горбачёва²; в 2019 г. её перевели на русский язык. Симптоматично, что обе работы Таубмана посвящены политикам, которых почитают на Западе за попытки преодолеть тоталитарное наследие. Горбачёв же для Таубмана и вовсе — «могильщик советского строя», т.е. творец великого и правильного дела, для реализации которого были хороши и оправданы все средства. Во многом опираясь на беседы с Михаилом Сергеевичем, американский исследователь старательно записывал за ним как булгаковский Левий Матфей за Иешуа Га-Ноцри, не всегда понимая смысл сказанного. Даже описывая события августа—декабря 1991 г., автор излагает, по сути, только их интерпретацию Горбачёвым и его ближайшим окружением (прежде всего А.С. Черняевым и Г.Х. Шахназаровым), тогда как, к примеру, мнения Б.Н. Ельцина носят в тексте скорее «ритуальный», а не «объективизирующий» характер. Не удивительно, что в заключении Таубман сетует на население России, в массе своей не испытывающее благодарности к последнему советскому руководителю, и обращается к отдалённому потомству: «Слишком много россиян решило компенсировать чувство несостоятельности, вызванное крахом их империи, путём демонстративного потребления и возвеличивания своего государства. Интересно, что они будут говорить о Горбачёве пятьдесят лет спустя? А их дети и внуки? Начнут ли они ценить его наследие? Несмотря на ошибки

и неспособность достичь всех своих благородных целей, он остаётся трагическим героем, который заслуживает нашего понимания и восхищения» (с. 633).

Интерес к личности Горбачёва возник у Таубмана ещё в то время, когда Михаил Сергеевич возглавлял Советский Союз. К работе над книгой историк приступил в 2005 г., тогда же состоялись его первые встречи с её героем, который даже придумал название первой главы — «Горбачёва трудно понять». Как утверждает Таубман, «мир раскалывается надвое, когда пытается понять Горбачёва. Многие, особенно на Западе, видят в нём величайшего государственного деятеля второй половины XX века. А вот в России его часто презирают, считая виновным в распаде Советского Союза и сопутствовавшем этому распаду экономическом коллапсе. Поклонники Горбачёва восхищаются его даром предвидения и смелостью. Недоброжелатели же, в числе которых оказался и кое-кто из бывших кремлёвских соратников Горбачёва, обвиняют его во всех грехах — от наивности до государственной измены. И все они сходятся лишь в одном: этому человеку удалось почти в одиночку изменить и свою страну, и весь мир» (с. 23). Вместе с тем автор признаёт, что результаты деятельности его «трагического героя» по меньшей мере противоречивы: «Уже в 1990 году Горбачёв в корне изменил советский строй. К 1990 году внёс больший, чем любой из его предшественников, вклад в окончание холодной войны. А в конце 1991 года СССР распался, так что сам Горбачёв оказался президентом без страны» (с. 23).

В своём исследовании Таубман опирается на солидную источниковую базу, включающую его собственные интервью с Горбачёвым, членами его ближайшего окружения (Э.А. Ше-

варднадзе, А.Н. Яковлевым, А.С. Черняевым, А.С. Грачёвым, переводчиком П.Р. Палажченко) и «команды» (Н.П. Шмелёвым, В.С. Гусенковым, Г.А. Арбатовым, К.Н. Брутенцем и др.), а также с генералом армии В.И. Варенниковым, послом США в СССР Дж.Ф. Мэтлоком, государственным секретарём Дж. Шульцем. Изучая «ставропольский» период жизни Михаила Сергеевича, Таубман не только побывал на малой родине президента СССР, но и опросил многих его земляков. Помимо этого, им анализировались архивные материалы, многочисленные воспоминания и публикации документов, периодические издания.

В 19 главах автору удалось — иногда подробно, а иногда почти конспективно — реконструировать жизненный путь Горбачёва. На страницах книги можно встретить немало сюжетов, каждый из которых заслуживал бы отдельной монографии. Вместе с тем это именно жизнеописание, а отнюдь не история Советского Союза под руководством последнего «вождя». Поэтому о важнейших для истории страны обстоятельствах и процессах говорится порой очень бегло, тогда как другие — в целом менее значимые, но важные для понимания личности Горбачёва, изложены, напротив, очень основательно. Автор писал *личную историю* Горбачёва на фоне развития советского государства и общества и читатель, стремящийся найти на страницах книги очерк событий перестройки, скорее всего, будет разочарован. Более того, последний период существования СССР показан исключительно таким, каким его представлял Горбачёв и те, кто остался с ним до конца. В работе не найти ссылок на публикации В.А. Крючкова, В.С. Павлова, О.Д. Бакланова, Г.И. Янаева или Д.Т. Язова. Это превращает её в откровенную апологию,

но Таубман и не скрывает своих симпатий. «Для руководителя, и особенно советского руководителя, Горбачёв был необычайно порядочным человеком, — утверждает он, — даже слишком порядочным, как говорили многие русские и некоторые западные люди. Ему категорически не хотелось применять силу, когда эта сила была необходима, чтобы спасти тот новый демократический Советский Союз, который он создавал». Отсюда вытекают и волнующие автора вопросы: «Почему же, в то время как враги Горбачёва желали применить силу, чтобы сокрушить введённую им свободу, сам он не желал применять силу, чтобы спасти её? Может быть, он пришёл к убеждению, что после тех рек крови, что пролились за долгую историю России, особенно в войнах и чистках XX века, нужно остановиться?... Как реагировал Горбачёв, когда, уже завидев вершину горы, был вынужден наблюдать, как его великая мечта испаряется у него на глазах? Был ли он действительно великим лидером? Или, скорее, он был трагическим героем, которого погубили отчасти его собственные недостатки, но в куда более значительной мере — те неподатливые силы, с которыми он столкнулся?» (с. 26—27).

В поисках ответа Таубман внимательно присматривается к детству и юности «трагического героя». «Трудно представить более страшное время», — пишет учёный про коллективизацию и голод 1932—1933 гг., отмечая, что «детство, пришедшее на такие годы, несомненно, повлияло на дальнейшие взгляды Горбачёва: на сталинизм — и на необходимость осудить его, на силу и насилие — и на требование отказаться от их применения» (с. 29). Ничего «привольного» ни в жизни Привольного, где родился будущий президент, ни в жизни семьи Горбачёвых не было — жили они, по словам

Михаила Сергеевича, «нищенски». Правда, тут же он добавляет: «Но я не ощущал себя нищим и вообще чувствовал себя прекрасно» (с. 31). Ни репрессии, затронувшие обоих дедов будущего генерального секретаря, ни буквально царившая вокруг скромность, граничившая с бедностью, не влияли на лояльность Михаила Горбачёва к советской власти. Однако рассказ деда Пантелея, вернувшегося после 14 месяцев нахождения под следствием, «глубоко ранил внука». Сам дед твердил: «Сталин не знает, что творят органы НКВД» (с. 38). Тем не менее многие десятилетия в семье Горбачёвых «предпочитали молчать об услышанном — они просто боялись вспоминать, это не значит, что они пытались забыть — они просто боялись вспоминать. И сам Горбачёв тоже помалкивал» (с. 38). Характерно, что следственное дело деда президент затребовал только после августовского путча 1991 г., «практически лишившего его власти». «Я не мог перешагнуть какой-то душевный барьер», — признавался он (с. 38—39). Большой след в его памяти оставила война — похоронка, по ошибке пришедшая на отца (к счастью, вернувшегося с фронта), немцы, хозяйничавшие несколько месяцев в Привольном. Фактически во время войны закончилось детство Михаила, приучившегося работать в колхозном поле наравне со взрослыми (с. 42—43).

В школьные годы Горбачёв запомнил практически всё, что было доступно детям его поколения — от Майн Рида до В.Г. Белинского, увлекался театром (блистал в роли князя Звездича в лермонтовском «Маскараде»), стремился везде и всюду быть «вожаком» (с. 46—49). Таубман уверяет даже, что уже тогда односельчане обращали внимание на удивительную способность комсомольца «всех подчинить своей воле» (с. 51). В 17 лет он

стал школьной знаменитостью, получив орден Трудового Красного Знамени за ударное участие в сборе урожая летом 1948 г. (с. 51—52). Выпускное сочинение на тему «Сталин — наша слава боевая, Сталин — нашей юности полёт» Горбачёв написал на «отлично», о чём любит вспоминать до сих пор. Правительственная награда и серебряная медаль по окончании школы позволяли ему в 1950 г. без экзаменов поступить в главный вуз страны — МГУ им. М.В. Ломоносова, который, по словам Таубмана, «для СССР был тем же, чем является Гарвард для США, с той только разницей, что в СССР почти ничего не было — ни Йеля, ни Принстона, ни Стэнфорда, ни Лиги плюща, ни каких-либо других столь же престижных университетов или гуманитарных колледжей». К тому же, как отмечает американский исследователь, «Москва сама по себе была городом уникальным — и Вашингтон, и Нью-Йорк, и Чикаго, и Лос-Анджелес одновременно» — «самое место для людей, мечтающих о карьере». После недолгих колебаний Горбачёв решил подать документы в приёмную комиссию юридического факультета МГУ, готовившего преимущественно сотрудников МВД и прокуратуры. «Что такое юриспруденция и право, я представлял себе тогда довольно туманно», — утверждал позднее Михаил Сергеевич (с. 54—56).

Столица произвела на юношу потрясающее впечатление: метро, Красная площадь, Кремль, Большой театр, Третьяковка — каждый день дарил «ни с чем не сравнимое чувство узнавания нового» (с. 57). Сокурсники, поначалу снисходительно поглядывавшие на крестьянского паренька, весь первый курс не снимавшего орден со своего пиджака, вскоре оценили его целеустремлённость и работоспособность. Недостаток образования он восполнял тем, что учился «жадно,

лихорадочно» (с. 62) и «твёрдо решил, что все пять лет пребывания в МГУ будут отданы только учёбе. Никаких «амуров»» (с. 62—63). Впрочем, это не помешало ему в сентябре 1953 г. жениться на Раисе Максимовне Титаренко, которая по твёрдости характера и последовательности, временами граничившей с жёсткостью, во многом превосходила своего супруга. Вероятно, поэтому Михаил Сергеевич, полушутя-полусерьёзно, называл её «секретарём семейной партийной организации» (с. 66—70). В студенческие годы он искренне преклонялся перед идеалами коммунизма. Его потрясла смерть Сталина. Вместе с товарищем по общежитию З. Млынаржем (в будущем — одним из лидеров «Пражской весны») он сумел добраться до Колонного зала и лично простился с генералиссимусом.

По окончании университета Горбачёву предстояло распределение в Ставропольский край, хотя он и пытался остаться в Москве, воспринимая возвращение на малую родину как неудачу. Работа в краевой прокуратуре его не привлекла, и через несколько дней молодой юрист устроился в крайком комсомола. Осенью 1956 г. он уже возглавлял Ставропольский горком комсомола, а в 1961 г. стал первым секретарём комсомольской организации края (с. 109). Этому способствовало знакомство с Ф.Д. Кулаковым, который, по утверждению Таубмана, сыграл «решающую» роль в судьбе Горбачёва. Фёдор Давыдович не только неустанно пестовал и неумолимо продвигал его вверх по карьерной лестнице, но и частенько устраивал своему протеже жёсткие разносы, предупреждая возможное головокружение от успехов.

Заняв в 1970 г. пост первого секретаря Ставропольского крайкома СССР, Горбачёв познакомился с М.А. Сусловым, А.Н. Косыгиным и

другими высшими руководителями страны, приезжавшими на отдых в Кисловодск. Особенно близкие отношения установились у него с председателем КГБ Ю.В. Андроповым, тоже уроженцем Ставрополя. Впрочем, насколько тесным было это сближение, и по сей день — загадка. Во всяком случае, от своего «трагического героя» Таубман слышал о том, что в секретные и закрытые темы, находившиеся в ведении генерального секретаря и Политбюро, Андропов его не посвящал (с. 139—140). Из общения со старшими товарищами Горбачёв уяснил, что главное — «сохранять доверие генсека Брежнева». Ведь «и он, и все остальные первые секретари обкомов прекрасно понимали: если Брежнев выступит против них, то они лишатся всего» (с. 125). Между тем Михаил Сергеевич, по собственному признанию, всегда оставался шестидесятником (с. 129). Режим «двоемыслия», в котором жили многие видные партийные работники того времени, становился для него защитной маской, ограждавшей от неприятностей³. В конце 1978 г. Горбачёва перевели в Москву — на должность секретаря ЦК КПСС, быстро сделали кандидатом, а затем и членом Политбюро. Хотя первое время на новом месте было неуютно — «будто выбросило нас на необитаемый остров» (с. 161).

С приходом к власти Андропова в 1982 г., по выражению Таубмана, пробил «час Горбачёва» (с. 176). Отныне он уже не был членом Политбюро, курирующим лишь сельскохозяйственные вопросы. По словам Михаила Сергеевича, однажды Андропов посоветовал ему действовать «так, как если бы тебе пришлось в какой-то момент взять всю ответственность на себя» (с. 178). Как пишет автор, в «андроповское междуцарствие» Горбачёв «в душе расправлял крылья и

внутренне готовился к роли реформатора», хотя «на заседаниях Политбюро вёл себя по-прежнему крайне осторожно» (с. 185). Смерть Андропова он «пережил тяжело» (с. 187). Между тем правление К.У. Черненко, ставшего генеральным секретарём в 1984 г., «превратилось в пародию, в карикатуру и на Брежнева, и на Андропова. Власть деградировала»⁴. Но именно Черненко настоял на том, чтобы Горбачёв вёл заседания Секретариата⁵, тем самым фактически сделав его вторым человеком в партии.

10 марта 1985 г. Черненко скончался, а уже на следующий день Горбачёв, заручившись поддержкой А.А. Громыко, был «единодушно» избран генеральным секретарём. Таубман констатирует: «никакого сопротивления» при этом оказано не было (с. 202). И тут он вторит Черняеву, утверждавшему: «Что бы сейчас ни придумывали про Романова, Гришина или ещё про кого-нибудь, конкурентов у Горбачёва не было»⁶. Новый лидер КПСС в ту пору «верил в социализм» и не сомневался в том, что его «ещё можно спасти путём “реформирования”» (с. 206—207). Более того, в середине 1980-х гг. он «отчасти отождествлял себя с Лениным», считая его идеалом политического деятеля (с. 208). Был задан небывало интенсивный темп работы, и в этом отношении «стиль Горбачёва не имел precedентов» (с. 221).

Однако идилический период длился недолго; сначала — антиалкогольная кампания, обернувшаяся фиаско, затем — Чернобыль, декабрьские волнения 1986 г. в Алма-Ате. Гласность, которая «взбудоражила» не только интеллигенцию, но и всю страну, к 1987 г. «уже распространялась с огромной скоростью, будто пожар в степи» (с. 298), и «приносила очень разные плоды». Так, она «повысила популярность Горбачёва», но и «встревожила большинство его

соратников», поскольку «позволила выставить на всеобщее обозрение те неудачи, которые терпела политика Горбачёва, и в итоге критики с обеих сторон (и те, кто опасался, что он заходит чересчур далеко, и те, кто мечтал, чтобы он пошёл ещё дальше) направили огонь прямо на него» (с. 239—240).

Изменение внешней политики, как считает Таубман, «явно развивалось успешнее и быстрее, чем процесс преобразований внутри страны» (с. 241). Идеи Горбачёва к моменту саммита в Рейкьявике «поражали воображение» — чего стоило хотя бы предложение о запрете ядерного оружия (с. 241). К концу 1988 г. Михаил Сергеевич «уже совершенно освоился с западными коллегами» (с. 370). Именно тогда, выступая в ООН, он произнёс 7 декабря 1988 г. свою наиболее резонансную речь, которую сам характеризовал как «хартию нового мышления»⁷. Смысл её в изложении Таубмана сводится к тому, что «мир, охваченный холодной войной, в корне изменился»: «В этом мире нельзя прибегать ни к силе, ни к угрозе её применения. “Свобода выбора” не должна допускать “никаких исключений”, идеологии не место в международных делах, и никто не обладает монополией на истину» (с. 399). По словам автора, «все идеи, которые Горбачёв некоторое время собирал, обдумывал, вынашивал и взращивал, намереваясь заменить ими закосневшую марксистско-ленинскую идеологию, теперь он в одночасье обрушил на публику в подробнейшем заявлении» (с. 399).

Триумф в ООН омрачила страшная трагедия — землетрясение в Армении, произошедшее спустя считанные часы после выступления Горбачёва. Ему пришлось прервать визит в США и вылететь на родину. «Здесь, в СССР, всё выглядело гораздо хуже, чем казалось с трибуны Генеральной ассам-

блеи, — сетует Таубман. — А в 1989 году Горбачёву предстояло убедиться в том, что и за пределами родины мир тоже устроен намного уродливее, чем рисовалось ему, когда он замыслил свою речь в ООН». Именно 1989 г., как считает американский исследователь, «стал поворотным в истории коммунизма, да и всего XX века». На него «пришёлся пик перестройки и — согласно наиболее надёжным опросам общественного мнения — пик личной популярности Горбачёва. Советский строй в корне изменился: впервые за семь с лишним десятилетий в стране прошли практически свободные выборы, и прежний Верховный совет — безвольный и бездумный орган — сменился самым настоящим действующим парламентом» (с. 402—403). При этом «давление, какое оказывали на Горбачёва проблемы внутри страны и за рубежом, стало почти невыносимым. Из-за них он постепенно чувствовал, что теряет почву под ногами» (с. 404). Общество стремительно политизировалось, в дни трансляции I съезда народных депутатов к экранам телевизоров прильнула вся страна. На его заседаниях царила невиданная с 1917 г. свобода дискуссии, откровенно поднимались острейшие вопросы, волновавшие советских людей.

Популярность инициатора перестройки падала. Одновременно всё выше поднимал голову национальный сепаратизм, с которым в Москве не знали, что делать. «Центр, — признал позднее Черняев, — в принципе был не готов к взрыву национального самосознания, помноженному к тому же на клановые, племенные, собственные противоречия. Это один из главных просчётов Горбачёва — не был учтён национальный фактор. Считалось, что существует “советский народ”»⁸. Даже Таубман полагает, что в 1989 г. Горбачёву, «возможно», сле-

довало бы уйти в отставку «ради себя же самого и особенно ради жены, которая гораздо ближе к сердцу, чем он, принимала все беды и сложности» (с. 428). Однако тот не терял оптимизма, и «в конце 1989 года у него ещё получалось убеждать себя, хотя и с трудом, что время на его стороне» (с. 441). Между тем, по мнению Таубмана, Горбачёв напрасно опасался проиграть прямые президентские выборы: «Весной 1990 года он по-прежнему являлся самым популярным советским политиком. Он уступит эту позицию Ельцину немного позднее» (с. 479).

По мере ухудшения обстановки в стране президента СССР всё сильнее «одолевали противоречивые чувства». «Однако кто бы мог с такой завидной невозмутимостью решать проблемы, с которыми сталкивался он?, — вопрошает Таубман. — Ему удалось запустить в Союзе реформы, которые одни саботировали, а другие чрезмерно торопили. Он создал для себя пост президента СССР, но не получил возможности работать эффективно. Горбачёв не мог закрыть глаза на наиболее серьёзные проблемы, такие как экономический кризис и сепаратистские бунты, однако некоторые другие он успешно отрицал, подавляя свои сомнения и настойчиво продвигаясь вперёд» (с. 473—474). Самообладание и самоуверенность, практически никогда не покидавшие последнего советского лидера, вызывают у автора восхищение: «Вне всяких сомнений, Горбачёв продолжал защищать свой великий проект. Чем больше трудностей и неудач встречала перестройка, тем более высокопарно он её превозносил» (с. 486). Осенью 1990 г., когда Горбачёв на глазах терял авторитет и реальные рычаги управления государством, президента жалели лишь его помощники, тогда как население всё чаще видело в нём едва ли

не главную причину своих бедствий. По утверждению Таубмана, с каждым месяцем «пропасть между авторитетом Горбачёва дома и за границей» становилась всё более зримой (с. 533). Но правда, которую Горбачёв, вероятно, не хотел сознавать, состояла в том, что «несмотря на тёплые отношения с Западом, оставался он чужаком и там» (с. 508).

К январю 1991 г. для президента стало очевидно, что спасти Советский Союз могут лишь чрезвычайные меры. Это подталкивало его к сближению с теми, кто выступал за силовое удержание республик Прибалтики в составе СССР. Но январские события 1991 г. в Вильнюсе, дискредитировав главу государства в глазах демократической и мировой общественности, вызвали у Михаила Сергеевича шок. Кровавое пролитие 13 января он расценивал как провокацию, направленную лично против него⁹. Да и, по осторожному замечанию Таубмана, «не существует однозначных доказательств того, что ответственность за “кровавое воскресенье” лежит на Горбачёве» (с. 538).

После Вильнюса Горбачёв не решался открыто размежеваться ни с либеральной частью своего окружения, ни с «правыми», с которыми продолжал «заигрывать» (с. 539). К весне 1991 г. эта тактика лавирования делала угрозу его отставки всё более реальной. Результаты Всесоюзного референдума 17 марта 1991 г., на котором 76,4% пришедших на избирательные участки граждан Советского Союза высказались за сохранение единого государства, вынудили лидеров девяти союзных республик сесть вместе с президентом за стол переговоров. Начался многомесячный Новоогарёвский процесс, в ходе которого Горбачёв на короткое время вернул себе политическую инициативу и одержал немало промежуточных тактических побед. Как отмечает

Таубман, «принятый 23 июля проект Союзного договора был компромиссом, однако больше соответствовал видению Горбачёва», который «радовался итогам последних переговоров и готовился к официальной церемонии подписания 20 августа» (с. 543).

Можно ли было предотвратить последовавший 19 августа путч, обрушивший союзное государство? Черняев утверждал: «Не уйди Горбачёв в отпуск, то и путча не было»¹⁰. Сам Горбачёв также признавал, что его отпуск оказался тогда совсем несвоевременен¹¹. Однако Таубман напоминает о крайней измотанности союзного президента, который действительно «очень нуждался в отпуске» (с. 558). Описывая форосское заточение, автор придерживается «канонической» версии, изложенной в своё время Горбачёвым и Черняевым. Вместе с тем историк допускает, что президент СССР невольно спровоцировал своих сотрудников, вступивших в ГКЧП: «Все его тактические манёвры, направленные на сдерживание консерваторов, все его резервные планы по введению ЧП, которые он так и не реализовал, — всё это сделало своё дело. Путчисты были уверены, что Горбачёв находится на их стороне, хотя это было далеко от правды» (с. 571). Вернувшись в Москву, Михаил Сергеевич, по словам Таубмана, «не понимал, насколько изменилась страна» (с. 574). Реальной власти у него уже не было, но, как искренний оптимист, он надеялся, что наиболее тяжёлые испытания остались позади.

В декабре 1991 г., особенно после подписания Беловежских соглашений, политическая карьера Горбачёва «неуклонно приближалась к закату». Всё это время он лихорадочно пытался спасти положение и, даже осознав всю безнадёжность ситуации, продолжал отчаянно искать альтернативы. За исключением нескольких эпизодов

ему удавалось сдерживать свои эмоции» (с. 585). Как полагает Таубман, «Горбачёв надеялся, что общество отреагирует на новый белорусский “путч”, как на августовский, что парламенты откажутся от решения, которого они не принимали, что пресса встанет на защиту человека, который подарил ей свободу, а интеллигенция сплотится вокруг него. Однако ничего подобного не произошло» (с. 585).

Размышляя над судьбой своего героя, Таубман пишет: «Горбачёв был мечтателем, которому удалось изменить судьбу своей страны и всей планеты, хотя и не так сильно, как ему бы хотелось. Редкому политику хватает силы воли и ресурсов, чтобы довести до конца всё задуманное, — а возможно, таких вовсе не существует. У Горбачёва не получилось, однако и поражением это назвать нельзя... Личные качества Горбачёва могут пролить свет на причины его побед и поражений. Он всецело верил в себя и в свою миссию, что давало ему силы и мужество браться за такие сложные задачи, что однажды они стали для него непосильными» (с. 628, 632). Этот образ, запечатлённый американским исследователем и во многом созвуч-

ный тому, который на рубеже XX—XXI вв. создавали М.С. Горбачёв и члены его «команды», подробно раскрывается в книге. Несомненно, она займёт достойное место в историографии. Но очевидно также, что её наблюдения и выводы не раз ещё будут дополняться и оспариваться историками.

Примечания

¹ Таубман У. Хрущёв. М., 2005.

² Taubman W. Gorbachev. His life and times. N.Y.; L., 2017.

³ Черняев А.С. Моя жизнь и моё время. М., 1995. С. 223. Подробнее см.: Пученков А.С. Жизнь и время Анатолия Черняева // «Мы называли его графом»: Памяти Анатолия Сергеевича Черняева. Воспоминания современников, документы, публикации / Сост. Д.А. Белановский. М., 2019. С. 520—532.

⁴ Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945—1985. М., 2007. С. 699.

⁵ Прибытков В. Аппарат. СПб., 1995. С. 167—168.

⁶ Черняев А. Горбачёв очень добрый // Московский комсомолец. 1995. 11 апреля.

⁷ Горбачёв М.С. Наедине с собой. М., 2012. С. 525.

⁸ Черняев А. Горбачёв очень добрый.

⁹ Горбачёв М.С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 202.

¹⁰ Черняев А. Горбачёв очень добрый.

¹¹ Горбачёв М.С. Остаюсь оптимистом. М., 2017. С. 249.